

Ludmila F. BARANNIK

Ph.D. in Philological Sciences, Assistant Professor of the Russian Language Department of Odessa I. I. Mechnikov National University; Odessa, Ukraine;
tel.: +38(0482)458590; +38(048)7762277; e-mail: philolog@onu.edu.ua

REGIONAL LINGUISTIC IMAGE OF THE WORLD OF CARRIERS OF RUSSIAN INSULAR DIALECTS OF ODESSA REGION

Summary. The article deals with the main peculiarities of the regional linguistic world image of carriers of Russian insular dialects of Odessa region. In modern linguistics the phenomenon of the regional linguistic image of the world is actively investigated on material of the Russian dialects of the main dialect massif of Russia. The Russian dialects of the South of Ukraine were not specially investigated in this aspect, but deserve special attention of linguists owing to historical conditions of their formation in a separation from maternal, mainly South Russian dialects in different linguistic surroundings. The analysis of the fragment of the linguistic world image of carriers of the Russian insular dialects on the example of names of Pets reflects the vital importance of agricultural life for the Russian immigrants, their economic and cultural relationship with Ukrainian neighbors, Bulgarians, Moldavians, and it shows detailed elaboration of household animals presented not only in Russian appellatives but also borrowings from close and distant relationship.

Key words: Russian dialectology, linguistic image of the world, Russian insular dialect, interlingual contacts.

Статью отримано 21.10.2014 р.

УДК 811.512.1'22: 929.624.84:801.7:003:903'15(4/5)

КАИРЖАНОВ Абай Каиржанович,

доктор филологических наук, профессор Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилёва; Астана, Казахстан;

e-mail: kairzhanov@list.ru ; адрес: г. Астана, ул. Мустафина, 21/5, кв. 31

ГЕНЕЗИС ТЮРКСКОГО РУНИЧЕСКОГО ПИСЬМА (на материале тамги-знаков евразийских кочевников)

Аннотация. В статье исследуется проблема происхождения древнетюркского рунического алфавита. Автор подвергает конструктивной критике две гипотезы происхождения рун: 1) финикийско-арамейскую гипотезу; 2) согдийскую теорию образования тюркских рун. В настоящей работе обосновывается тамговая (пиктографическая) теория формирования древнетюркского рунического алфавита, созданного на основе тамги и тамгообразных знаков, принадлежащих тюркским тейпам, обитавшим в Великой степи на рубеже двух эр. Такое обоснование тамговой теории стало возможным благодаря археологическим разысканиям на территории кочевников Великой степи. Результаты исследования простых (базовых) и сложных тамга-знаков и тамгообразных знаков свидетельствуют о создании рунического письма ещё на рубеже двух эр. В настоящей статье сливаются тамги-знаки с максимальной полнотой, собранные многими учёными в течение двух столетий почти на всём протяжении Евразии: от большой излучины Яшил-угюз (Великая Жёлтая река) на Востоке и до центральных земель Европы. Определены четыре перехода в эволюции рунического письма и намечены перспективы исследования в диахроническом аспекте, что позволит освободиться от квазинаучных обобщений и выводов.

Ключевые слова: тамга, тамгообразные знаки, руны, аккультурация, пиктограмма (идеограмма), иконический образ, первосмысл, перевознак, семантический сдвиг.

По проблеме происхождения тюркской руники существует три подхода, три гипотезы: 1) влияние финикийского (арамейского) письма; 2) в основе тюркских рун лежит согдийское письмо; 3) основой тюркских рун является эволюция тамги и тамгообразных знаков-пиктограмм.

Представим краткий обзор первых двух гипотез.

1. **Влияние финикийского (арамейского) письма.** Эту гипотезу впервые выдвинул Вильгельм Томсен, который считал, что древние турки приспособили арамейское письмо, восходящее к финикийскому алфавиту, для фонетической системы древнетюркского языка [40, с. 7]. Эту точку зрения подхватил и стал развивать О. Доннер. Он подверг анализу надписи на монетах Парфянского царства династии аршанидов (III—II вв. до н. э.). По его мнению, именно эти знаки были своеобразным вторым звеном после арамейского письма в процессе становления тюркских рун. Другими словами, элементы письма аршанидов оказали влияние на образование

древнетюркских рун [14]. А. М. Щербак также отмечает некоторые сходства арамейских знаков с древнетюркскими рунами [44, с. 50]. Кроме того, финикийско-арамейскую гипотезу поддержали П. М. Мелиоранский и А. С. Аманжолов [2]. Так, Р. Готью в ранних своих трудах считал, что тюркская руника представляет собой изменённую конфигурацию древнего согдийского алфавита. Однако позже он изменил свою точку зрения и примкнул к финикийско-арамейской гипотезе происхождения тюркского письма [11, с. 5].

Науке известно, что 6 рунических форм и их значения совпадают с финикийско-арамейским письмом: 1 [p], ʏ [s], ʒ [r], ʁ [d], l [l], ʁ [t]. На самом деле, только 5 форм финикийско-арамейского письма: ʁ ʁ ʁ ʁ ʁ

имеют эквивалентные сходства с формами древнетюркских рун, но их значения совершенно иные. Предположим, что 11 знаков появились под влиянием финикийско-арамейского письма. Что же, в этом случае, делать с оставшимися 28 знаками древнетюркской руники? К сожалению, эта концепция сегодня не может стать основой для объяснения проблем происхождения тюркского письма и к настоящему времени потеряла свою актуальность. Наше принципиальное несогласие с этой гипотезой вытекает из сравнительно-исторического анализа тюркских рун с тамгами. Ср.: знаки (4) 1, (9) ʏ, (23) ʒ, (10) ʁ, (1) l, (12) ʁ, (9) ʁ не только совпадают с финикийско-арамейским письмом, но и полностью отражают иконический образ древнейших тюркских тамг тейпов евразийских кочевников. Только два знака: ʁ и ʁ — отсутствуют в таком виде в тамговых знаках. Однако, по мнению С. Аманжолова [3], подобное явление не имеет принципиального значения. Так, первый знак (ʁ) отражается зеркальным образом в енисейских и орхонских текстах (см. в нашей таблице порядковый номер: (14)).

2. Согдийская теория происхождения руники. С этой теорией связаны полевые разыскания Н. М. Ядринцева. Он в 1889 г. отыскал в Орде-Балыке (Карабалгасун), на берегах Орхона, трёхязычную надпись на камне. Надпись составлена на китайском, согдийском и древнетюркском языках. Дешифровка и подстрочный перевод этих надписей лёг в основу согдийской теории происхождения тюркской руники [46]. Эту гипотезу стали разрабатывать Ф. Мюллер [30], А. Лекок [25], Р. Готью [11], О. Хансен [43] и др. Они приступили к исследованию текстов Восточного Туркестана (VI—XIII вв. н. э.), составленные согдийским языком на основе согдийской графики. Тексты несли информацию сакрального характера, так как при помощи этих текстов миссионеры проповедовали идеи религиозных систем (несторианского христианства и различных толков буддизма) и антисистемы манихейства. Это было время, когда Согда вышла на историческую арену в области культурной экспансии и оказывала влияние на ближайших своих соседей, прежде всего, на тюркоязычных народов. Именно этот язык вначале становится языком культурного общения в Центральной Азии, а в X—XIII вв. превращается в язык межнационального общения для обитателей тракта Великого Шёлкового пути. Но эта согдийская культурная экспансия началась в конце VIII — нач. IX в. после распада Восточного тюркского каганата, а до этого времени Согда не могла об этом и помыслить, так как тюркская культура была доминирующей в Средней Азии. Тюркский язык был языком межнациональным, то есть был единым для всех жителей тюркской империи. Язык тюркский был уже кодифицирован и нормирован, а тюркский рунический алфавит был создан во второй половине VI века во времена правления Бумын кагана и его приемника Истеми. Об этом свидетельствует «каменная летопись» древних тюрков.

Р. Готью, игнорируя эти исторические факты, считает, что 12 знаков согдийского алфавита соответствуют знакам древнетюркской руники. Однако позже он изменил свои взгляды: «...Рунический алфавит ведёт своё начало не от старого согдийского письма и не от того небольшого количества знаков, которые имелись в нём, а от разновидности его с 25 знаками, из которых 22 арамейские и 3 дополнительные» [11]. Однако В. А. Лившиц стал подвергать критике эту теорию: «Поиски согдийских прототипов для других рунических знаков затруднены, прежде всего, вследствие различий в качестве графем. Некоторые знаки <...> изобретены в процессе создания руники». Он указывает, что это коснулось только 7 орхонских рун: lt, nč, nl, ič/ič, ič/qi, oq/uq, ök/ük, которые являются периферийными, потому что обозначают слитные звуки дифтонгического образования [26]. Но Дж. Клоссон, несмотря на веские возражения В. А. Лившица, продолжает развивать согдийскую теорию происхождения рунического письма. Он считает, что начало тюркской руники можно обнаружить в персидских алфавитах: согдийской, пехлеви и бактрийской системах письма [20]. Эту теорию подверг критике и А. М. Щербак. Он полагает, что является неверным тот факт, что древние тюрки могли адаптировать согдийское письмо для создания руники. Кроме того, мы считаем, что Авеста как сакральная книга ираноязычных народов проповедовала с незапамятных времён неприязнь и откровенную вражду к тюркскому суперэтносу, и древние тюркоязычные этносы не могли по этой причине перенять у них согдийское письмо [44]. К сожалению, эта теория остаётся до сих пор официальной точкой зрения на происхождение тюркской руники. Ср., например, подобную версию: «На основе согдийского и несторианского письма создались разные виды письма тюрков Центральной Азии (важнейшие — уйгурское и тюркское руническое)» [13, с. 378].

3. *Тамговая (пиктографическая) теория* происхождения древнетюркского рунического письма. Остановимся более подробно на этой теории происхождения тюркского алфавита. Вначале попытаемся раскрыть некоторые дефиниции терминов «тамга», «пиктограмма» и других терминов, используемых нами в исследовании.

Тамга — прежде всего, племенной (родовой) знак, восходящий к пиктограмме (идеограмме), указывавший на принадлежность людей, конкретного человека к определённому племени и символизировавший *conceptum* «первопредка», то есть являвшийся определённым тотемным знаком. К этому знаку родовые ответвления племени могли добавлять дополнительные элементы для корректировки значения «принадлежность» к тому или иному определённому роду. Отметим, что тамга как знак обладал более абстрагированным значением, так как он подвергся ментальному сдвигу по сравнению с пиктограммами (идеограммами). В то же время, каждая отдельно взятая тамга как знак стала функционировать только в пределах конкретного рода. И в то же время, имелась другая тамга, обозначающая племенной союз, в который входили родовые подразделения. Например, тамга племенного союза аргын изображалась так: (*коз, кос донгелек*). Роды, входившие в этот союз, обладали своими специфическими тамгами-знаками: тамга *жогарышекты* ; тамга *томеньшекты* . В них стрелки являются дополнительными элементами: *жогары* () — «выше»; и *томень* () — «ниже». Отметим, что другие племенные союзы не могли пользоваться этими тамгами-знаками. У них были свои, отличные от других, тамговые обозначения. Так, значение «принадлежность» к найманам указывала тамга (*шомиш, чомич* («ложка», «тостаган»). У кыпчаков — (*кос алип*) и т. п. [3; 9; 15; 16; 17; 22; 23; 24; 27; 31; 32; 33; 34; 37; 38; 39; 41; 42; 47, 50].

Приведём следующее определение *пиктограммы*: «письмо пиктографическое — тип письма, характеризующийся тем, что графические знаки (в виде рисунков или условных изображений) служат для передачи содержания речи, но не отражают языковых форм» [6, с. 324]. Приведём более пространное рассуждение А. М. Кондратова: «Типологически выделяются 2 разновидности пиктограмм: «иконические», имеющие сходство с изображаемым понятием или объектом (знак солнца для передачи понятий «день», «солнце» и т. п.), и «символические», условные (генетически, видимо, восходящие к «иконическим», образным, но утратившие внешнее сходство с изображаемым объектом)» [21, с. 374]. Дальше он рассуждает, что остаётся открытым вопрос о том, «происходят ли эти системы из одного центра (по мнению моноцентристской гипотезы происхождения письма — из Шумера) или фонетическое письмо рождалось из различных пиктографических систем независимо в разных регионах» [21, с. 374]. Отметим, что древнейшие пиктограммы (идеограммы) шумерской культуры несли «зерно первосмысла», не обозначали сему «принадлежность». В результате дальнейшей эволюции они превратились в клинопись. Итак, шумерские пиктограммы имели совершенно иные значения по сравнению с тюркскими тамгами-знаками, для которых функция посессивности оставалась доминирующей чертой, а пиктографические значения, обозначающие реалии окружающей действительности, в этих знаках подверглись аннигиляции.

Тамговую (пиктографическую (идеографическую)) теорию развивали Н. Я. Аристов [5], Д. Н. Соколов [38], А. Махмутов [28] и др. Тамговую теорию попытался обосновать Е. Д. Поливанов, который обратил внимание на внешнюю форму и на внутренний смысл знаков: («оq» («стрела»)), («aj» («луна», «ущербная луна»)). Подобные знаки, по его мнению, могли стать основой рунического письма, появившегося из эволюции пиктограмм и идеограмм [35, с. 177—181]. Отметим, что ещё В. Томсен заметил, что формы некоторых рун имеют идеографический смысл [40]. Теорию Е. Д. Поливанова стал развивать А. Ж. Эмре [45]. По его мнению, руническое письмо полностью сформировалось на основе эволюции идеограмм. С. Г. Кляшторный и В. Г. Гузев выдвинули предположение, что истоки тюркской руники необходимо искать в наскальных изображениях [12]. Эту концепцию развивал целый ряд учёных: О. Прицак [36], А. Аврутина [1] и др.

К сожалению, тамговая (пиктографическая (идеографическая)) теория ещё не получила полного научного освещения. Это можно объяснить объективными факторами — отсутствием полного собрания тамги евразийских кочевников. Кроме того, нельзя объяснить происхождение тюркских рун, опираясь, например, на тамги только одной Монголии и на неполное собрание тамги Алтая. Это касается некоторых квазинаучных публикаций. Кстати, подобная назойливая бесталанная публикация появилась относительно недавно в Казахстане. Её авторы считают, что их труды — последнее и окончательное слово в рунологии. К сожалению, они не привлекли для анализа труды С. Аманжолова, О. Акчокраклы, И. Баски, В. В. Вострова и М. С. Муканова, А. Н. Гертмана, В. С. Драчука, Э. Махмута, М. Ч. Кудаяева, П. И. Кеппена, П. Небольшина, В. С. Ольховского, Э. И. Соломоники, Э. Триярского, В. И. Филоненко, С. А. Яценко и др. [см. список литературы]. Мы считаем, что для полного исследования необходимо привлечь весь материал, касающийся кочевников Евразии: собрания тамги на территории излучины Яшил Угюз (Хуанхэ), анализ материалов, найденных на севере Балкан, в Румынии, Молдове, Венгрии, в Северном Причерноморье, Крыму, Поволжье, древнетюркские тамги Монголии, Алтая,

тамги казахских жузов, тамги-знаки в южных ответвлениях Великого Шёлкового пути и на других землях. Только в этом случае тамговая (пиктографическая) теория может получить полное объективное освещение, и только тогда можно прояснить истинную специфику происхождения тюркской руники.

Попробуем заполнить пробел в этой области исторической тюркологии, привлекая упомянутые нами материалы.

Научное исследование простых (базовых) и сложных тамги и тамгообразных знаков ведётся более двух столетий. И хотя мы наблюдаем определённые успехи в этой области тюркологии, проблема и связанные с ней вопросы, напр., влияние на генезис рунического алфавита, всё ещё остаётся нерешённым. Руны, появившиеся под влиянием тамги и других древнейших первозначков, существовали параллельно с тамгами в течение длительного времени. Об этом свидетельствует достаточное количество трудов, в которых изучены, документированы и собраны тамги казахских племён старшего, среднего и младшего жузов [2; 9]. Кстати, племенные союзы, ставшие основой для образования современных тюркских этносов, возникли тысячелетия тому назад, а современные тюркские народы, как известно исторической науке, появились во второй половине XV века. Известно, что тамги являются племенными знаками: все члены одного рода имеют только одну тамгу. И это были простые (базовые) тамги. У конкретного рода, входившего в тот или иной племенной союз, тамга могла состоять из двух компонентов, один из которых был дополнительным. Тамги наносились на камнях, керамических сосудах, на оружии и на стелах. Следы тамги теряются в глубине тысячелетий. Тамги возникали, прежде всего, в целях взаимной коммуникации, для передачи информации. Например, они сообщали о путях кочёвок рода, движущегося по меридиану: с севера на юг и в обратном направлении в зависимости от смены времени года. Кроме того, они выполняли роль оберега, в них заключались силы сверхъестественных стихий (Тенгри, Умай или других древнейших сакральных представлений) [48]. Знаки-обереги защищали членов клана от несчастий, болезней, порчи и сглаза, несли в себе сакральный смысл космогонических сил. Известно, что почти во всех древнетюркских захоронениях ставились каменные надгробья, на которых высекались тамги, выполнявшие функцию оберега, но ни в коем случае они не могли быть гербами рода или какого-либо тюркского клана. Если это был простой смертный, то не высекалось имя и годы жизни, не было удостоверения личности, а отмечалась только родовая принадлежность усопшего. Иногда встречаются захоронения с двумя высеченными тамгами. Это может свидетельствовать о захоронении женщины: первая тамга — её родовая принадлежность, а вторая указывает на принадлежность рода супруга. При помощи тамги мы можем проследить пути миграции конкретного тюркского рода. Известно, что тамги предшествовали появлению письменности, и в то же время они стали основой для появления системы письма. В нашем исследовании только 32 тамги почти полностью совпали с 32 рунами древних тюрков. Остальные 10, по-видимому, были заимствованы из других алфавитных систем или были изобретены во время создания письменности независимо от других древнейших письменных систем.

В древнейшую эпоху тамги были символами в культурной жизни кочевников. Тамги обладали особой мифологической сутью. Прежде всего, тамга отражает статус и независимость конкретного рода или племенного союза. Например, каждый из 24 огузских родов и многочисленных кыпчакских племенных союзов имели свою собственную тамгу, которой отмечали ареал своего обитания в кормящем и вмещающем ландшафте. При помощи тамги они помечали внешнюю границу племени, рода или пределы тюркских государств.

Тамги могли быть простыми и сложными.

1. Простые тамги являются самыми древними базовыми знаками. Они напрямую связаны с закономерностями эволюции племени, рода. В древнейшую эпоху они являлись символом определённого тотемного животного, которое было прародителем рода. В более позднее время границы между названием тамги и этнонимом постепенно стали стираться. Например, тамга **T** является знаком, обозначавшим шугуш (*чугучи*) — «молоток». Этой тамгой пользовались крымские татары, ак-ногайцы, кара-ногайцы, найманы, кара-кереи, киргизы, каракалпаки, башкиры, туркмены, монголы и мадьяры. Или возьмите тамгу **^**, которая указывает на принадлежность к казахскому роду шеркеш, туркмен, киргизов и мадьяр. Она обозначает *кара юлу* и *бага*. Тамга **ʔ** — знак со значением *чомич*, *шомиш* («ложка», «тостаган»). Она использовалась крымскими татарами, ногайцами, некоторыми казахскими родами, башкирами, монголами и мадьярами.

2. Сложные тамги демонстрируют нам, что две и более тейпы объединились в более мощный племенной союз (например: тогуз-огузы, отуз-татары, уч-курыкане и др.). В этом случае у нас две независимые тамги, которые встречаются, например, на могильных камнях, стелах. Так, надгробья, обнаруженные в Асанчи и Омурчи (Румыния), имеют изображения двух знаков [7]. Только поэтому знаки двойные и более не являются древними, их можно объяснить при помощи разложения на более простые тамги. Кроме того, существуют относящиеся к древнейшей эпохе более сложные тамги, которые создавались благодаря политической конъюнктуре.

Это подтверждает анализ тамговых знаков Боспорского царства. Приведём одну сложную тамгу

боспорского царя Савромата II [39]: .

Эта тамга состоит из трёх простых:

1. Первая — . Встречается близкая таласская руна — .
2. Вторая — . Имеется идентичная древнетюркская (по Э. Триярскому), осетинская, монгольская (по Х. Перле), крымская из Евпатории, казахская и ногайская (по В. И. Филоненко) тамги [41; 34; 42]. Кроме того, можно выделить следующую простую тамгу со значением *чомич*, *шомич* («ложка», «тостаган»).

3. Другая сложная тамга состоит также из трёх частей. А тамга Савромата II является идентичной следующим «сарматским» знакам: (14); (15) (по Э. Соломонику).

Итак, простые тамги демонстрируют нам, какие этнические группы и племена обитали в пределах Северного Причерноморья. Тамга называется *кхалка* («круг»). Её обнаружили в Асанчи и Омурчи в Румынии. Этот знак встречается почти по всей Великой степи: у ногайцев, казахских жузов, каракалпаков, киргиз, туркмен, башкир, мадьяр, монголов, крымских татар. Итак, тамга Савромата II демонстрирует, что население Боспора было чрезвычайно пёстрым по своему этническому составу [см. подробнее: 19].

Прежде чем приступить к сличению тамги и тюркских рун, рассмотрим методику исследования тамги и тамгообразных знаков.

Две тамги считаются идентичными, если, во-первых, это один и тот же знак. Ср., знак , который называется «камча» («кнут», «хлыст»). Эта тамга используется у тейпов Карасакал, а также у найманов. По-видимому, она указывает на их определённую дальнюю родственную связь. Эта же тамга употребляется ногайцами и киргизами, указывая о месте их обитания, то есть на их «первую» прародину, где эти тейпы находились в близких отношениях.

Во-вторых, если тамги имеют некоторые незначительные изменения, то эти знаки являются эквивалентными по отношению друг к другу. В некоторых случаях они могут быть зеркальным отражением, то есть полностью совпадают независимо от их положения: повернута тамга вправо или влево, находится в ином положении. Э. Триярский считает, что в одних случаях две тамги могут быть идентичными, а в других — эквивалентными, если созданы по принципу аналогии [41]. Это указывает на отдалённую связь с тем знаком, который указывает на общий тотем, обозначая связь с первопредком. С. Аманжолов полагает, что направление знака не имеет существенного значения, так как оно может указывать на дальние родственные связи того или иного тюркского рода [3].

Итак, две тамги можно рассматривать как эквивалентные знаки только в случае, если сопоставляемые знаки являются базовыми, то есть простыми тамгами. Например, один знак слегка повернут, здесь мы наблюдаем незначительные изменения. Ср.: (по Х. Перле), (из Омурчи) и (из казахского младшего жуза). Все четыре тамги обозначают почти одно и то же: *чомич* (*шомич*) и *тостаган*, что свидетельствует о далёкой родственной связи между сравниваемыми друг с другом племенами.

В-третьих, если тамги отличаются друг от друга в некоторых деталях, малых линиях или имеют дополнительные элементы, но главный элемент остаётся идентичным, то сравниваемые племена также имеют определённую близость. Сравним две тамги: и . Первая тамга встречается у найманов, обозначая *шомич*, а вторая тамга — у ногайцев, башкир и мадьяр (*чомич*). Эти тамги тоже указывают на отдалённые родственные отношения между сопоставляемыми родами.

Имре Баски представил квантитативный анализ тюркских племён Крыма. Например, он сравнил тамги из Евпатории, Бахчисарая, Каффы (Феодосии), Акмечита (Черноморского), Перекопа и Карасубазара (Белогорска). Такое сравнение показывает количество деревьев, в которых встречаются этнические тамги: кыпчак (18), найман (12), коньрат (10), кытай (8), ойрат (6), аргын (5), мангыт (4) [7; 8]. Только одна область Северного Причерноморья показывает нам, как и в какой массе мигрировали на Запад и осваивали Крым древнейшие тюркские племенные союзы.

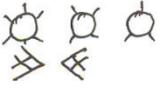
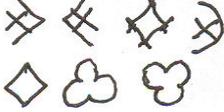
Итак, тамги представляют простейшие географические метки, в основе которых лежит пиктограмма, отражающая «иконический образ» окружающей человека действительности (орудия труда, оружие, конская сбруя, животные и птицы, контуры жилища, рельефы местности и др.). Кроме того, тюркские тейпы, подвергаясь аккультурации со стороны соседних этносов, сохраняли свои основные ценностные ориентиры, удерживали в этнической памяти свою родовую принадлежность, обозначая её при помощи идентичной тамги, фиксируя, таким образом, своё место обитания в кормящем и вмещающем ландшафте [см. подробнее в нашей работе: 18, с. 85—137].

Для сличения рун и тамги мы привлекли материалы, собранные такими учёными, как С. Аманжолов, В. В. Востров, М. С. Муқанов (тамги казахских жузов и огузо-кыпчакских племенных союзов); В. С. Драчук (тамги огузских племён); М. Ч. Кудяев (тамги народов Северного

Кавказа); А. Маргулан, В. С. Ольховский (Крым); И. Баски (Румыния (Асанчи и Омурчи) и Венгрия); Ж. Сулитеану и Э. Махмут (тамги ногайцев из Добруджи); О. Акчокраклы (Крым); В. И. Филоненко (тамги из Гезлева (Евпатории)); Х. Перле, С. Аманжолов, В. И. Филоненко (тамги из Монголии, тамги ногайцев, казахов, каракалпаков, киргизов, туркмен и башкир); Э. Триярский (тамги огузских племён и знаки из Болгарии, тамги древних тюрков с северо-востока Монголии); Б. Ринчин (Монголия); Х. Охтанигов (кабардинские, абазинские и осетинские тамги); Э. И. Соломоник («сарматские» знаки из Северного Причерноморья), З. Самашев (древнетюркские тамги) и др.

Теперь, наконец, мы можем приступить к сравнительному анализу тюркских рун с тамгами.

Диакроническая таблица: Сличение древнетюркских рун с тамгами

№	Таласские руны	Енисейские руны	Орхонские руны	Значение	Тамги
1	2	3	4	5	6
1	┆	┆	┆	s`	┆
2				m, m`	
3		↓ ↑	↓	q при o, u	↓ ↑
4	┆ 1	┆ 𐰇 𐰈 1	┆	i, i (e)	1
5	> <	> <	> { E	o, u	> ^
6	^	≈ h	o o h	t	h o
7	┆	┆ 𐰇 𐰈 𐰉 𐰊	𐰇 𐰈 𐰉 𐰊	b	𐰇 𐰈
8	𐰇	↑ 𐰇 𐰈 𐰉	𐰇 𐰈 𐰉 𐰊	b`	𐰇 ↑ 𐰈 𐰉
9	┆	┆ 𐰇 𐰈	┆ 𐰇	ě, ě`	Y 𐰇 𐰈 𐰉
10	×	× + ⊗ 𐰇	× +	d` (t`)	× 𐰇 +
11	E 𐰇	𐰇 𐰈 𐰉 𐰊	𐰇	g`	𐰇
12	o o	𐰇 𐰈 𐰉 𐰊 𐰇 ?	𐰇 𐰈 𐰉	j	𐰇 𐰈 𐰉 𐰊 𐰇
13		𐰇 𐰈 𐰉 𐰊 𐰋 𐰌 P D E	𐰇 𐰈	j`	𐰇 P 𐰈 𐰉
14	N И	𐰇 𐰈 𐰉 𐰊	𐰇 𐰈	q	𐰇 𐰈
15		↓ ↑	↓	q при o, u	↑ ↓

№	Таласские руны	Енисейские руны	Орхонские руны	Значение	Тамги
16				q при i	
17				h`	
18				k` при o, u	
19				l	
20				l`	
21				n	
22				u, u`	
23				r	
24				r`	
25				s	
26				š	
27				š`	
28				t`	
29				z, z`	
30				lt, lt`	
31				nt, nt`	
32				rt	

(1) Тамга | обозначается как «алип» или «косеу». Встречается у казахских племён: старшего жуза (Дулат, Канлы), младшего жуза (Байулы (Тона, Кызылкурт)). Этой тамгой метили свою территорию ногайские и огузские (Баят, Кайы, Печене, Кынык) племена. Однако в огузских подразделениях она входила как элемент сложной тамги. Э. Триярский указывает, что эта тамга использовалась и в древнетюркское время. По-видимому, она принадлежала кыпчакским подразделениям. Имре Баски обнаружил эту простую тамгу в Гезлеве (Евпатории) и на древних кладбищах Омурчи в Румынии. Однако в Гезлеве имеется спаренная тамга || «кос косеу», которая является также принадлежностью кыпчакского племенного союза.

(2) Тамги ○ «донгелек» («кхалка») и ∞ «кос донгелек». «Донгелек» наблюдаем у племенных подразделений Дулат, «кос донгелек» — у аргынов среднего жуза казахов и у ногайцев (В. И. Филоненко). Кроме того, «донгелек» имелся у древних тюркских племён, проживавших на территории Монголии (Х. Перле, Э. Триярский). Наблюдаем также у осетинских, абазинских народов, в Асанчи и Омурчи. У осетинских этносов обнаруживаем также «кос донгелек» (Х. Яхтанигов). Тамга ⊙ у кабардинцев, абазинцев и осетин только с дополнительным элементом (Х. Яхтанигов). Эта тамга встречается в ахеменидских печатях (J. Boardman). Тамги ✕ ⊕ ⊖ обнаружены у древнетюркских племён (Э. Триярский).

(3) и (15) Тамга ↓ «ок» встречается у рода Адай (Байулы) младшего жуза, а ↑ — у Баят огузов. Кроме того, ↑ («ок») была обнаружена в Гезлеве и в Омурчи. Сложная тамга ↕ зафиксирована в Омурчи (И. Баски).

(4) Тамга 1 встречается у рода Афшар огузов, но она представляет собой сложную тамгу 1. Наблюдаем этот знак в горизонтальном положении у представителя младшего жуза Жетыру, где он обозначает иконический образ «шылбыр» → у Телеу. У Керейт эта тамга слегка наклонена вправо: ↗.

(5) Тамги > ^, обозначавшие «кара юлу» и «бага», широко известны среди родов казахских жузов. В подразделении Дулат — Жаныс тамга повернута на 45 градусов вправо >, а в подразделении Алимұлы у Карасакал совпадает с тюркской руной. Эти тамги были известны туркменским племенам, они обнаружены в Асанчи и в Гезлеве, известны подобные киргизские и венгерские тамги (В. И. Филоненко), одна из них встречается в ахеменидской печати (D54) (J. Boardman, 1998).

(6) Тамга h известна среди древнетюркских племён (Э. Триярский). Тамга ⊙ встречается как осетинская тамга (Х. Яхтанигов).

(7) Тамги λ и ∫ обнаружены на каменных надгробьях в захоронениях Гезлева.

(8) Сложная тамга † («ок») встречается у огузского рода Эймур. Простая тамга † («ок») — у рода Баят огузов. А тамга ✕ (D27) — в ахеменидской печати (J. Boardman, 1998). Считают, что тамга ✕ является «сарматской», её обнаружили в Северном Причерноморье [39].

(9) Тамга † обозначает «принадлежность» племени Байулы (Алтыбас (Алаша)), а Э. И. Соломоник относит её к «сарматским» знакам. Сложная тамга † и знак † использовали мадьярские племена [7; 8]. Кроме того, знак † (D571) имеется в одной ахеменидской печати (J. Boardman, 1998).

(10) Тамга ✕ обнаружена у мадьярских племён (И. Баски, 1997), а Э. И. Соломоник приписывает её к «сарматским» знакам. Тамга †, которая приводится А. П. Окладниковым [31] — солярный символ. Такой же знак обнаружил в Монголии Х. Перле [33], а в Гезлеве на могильных камнях высечена сложная тамга † (В. И. Филоненко).

(11) Тамга † обнаружена в Омурчи (Румыния).

(12) Тамга 9 («шомиш»; «тостаган») принадлежала племенам младшего жуза — Жетыру (Табын, Рамадан). Знак 9 найден также в Гезлеве. Знак 9 («ущербная луна») — сложная тамга и принадлежит мадьярам. Эквивалентные тамги 9 также мадьярские (И. Баски).

(13) Тамга P — специфический знак внеплеменной группы, появившейся в VIII веке вместе с арабскими миссионерами-мусульманами, которых называли «кожа». Тамга †, обозначавшая «чомич» близка по форме казахскому знаку, обозначавшему «тостаган» («шомиш»). Она зафиксирована также в Крыму и принадлежит ногайцам, казахам, башкирам, тюркоязычным племенам Монголии, а также мадьярам. Остальные знаки имеют значения, тождественные знакам рубрики (12).

(14) Тамга h — древнетюркский знак (Э. Триярский, И. Баски). Тамга † — это венгерский тамгообразный знак (И. Баски).

(16) ∇ ∇ Δ — эти тамги имели широкое распространение в Крыму. В. И. Филоненко описывает эти знаки, обнаруженные в захоронениях Гезлева XIV—XV в.в. (в карбистане). Этими тамгами пользовались представители рода Шапрашты ∇ («тумар») и подразделения Байулы (Берш) — Δ. Такие тамги зафиксированы у ногайских родов (С. Аманжолов, В. И. Филоненко, В. В. Востров, М. С. Муканов). Э. И. Соломоник находит аналогичные сложные тамги в Северном Причерноморье (Δ) и относит их к «сарматским» знакам.

(17) Тамга † из Омурчи имеет высокую частотность (зафиксировано 9 случаев употребления). Знак † фиксирует Э. Триярский и относит его к древнетюркскому периоду.

(18) Тамгу В приводит китайский учёный Су Бей Хай [49, с. 426—430]. Знак К фиксирует Х. Перле.

(19) Тамга Ү имела широкое распространение в Великой степи. Найманы (баганалы) и Байулы (Алаша, Шеркеш) обозначают эту тамгу как «багана». Э. И. Соломоник относит её к «сарматским» знакам.

(20) См. комментарий к рубрике (19).

(21) Сложную тамгу С приводит Х. Перле, приписывая её монгольским знакам. Э. Триярский считает, что тамги ᠰ, ᠱ являются древнетюркскими. Известно, что тамга ᠱ у ногайских и казахских племён обозначает принадлежность (В. И. Филоненко). Знаки ᠱ ᠱ идентичны; Х. Яхтангинов считает их кабардинскими тамгами.

(22) Тамга ᠋᠋ «кхалка» встречалась у казахских племён Дулат, Найман, Байулы (С. Аманжолов, В. В. Востров, М. С. Муканов). Кроме того, она зафиксирована в Асанчи и Омурчи. Этой тамгой пользовались многие тюркоязычные этносы: турки, ак-ногайцы, каракалпаки, киргизы, туркмены, башкиры, венгры и некоторые монгольские племена. Тамга Ч, по мнению Э. Триярского, является древнетюркской. Сложная тамга ᠋, по мнению Х. Перле, принадлежит монгольским племенам. Эта «кхалка» встречается в ахеменидской печати (J. Boardman, 1998).

(23) Тамга Ч обнаружена Су бей Хай в 1994 г. [49].

(24) Тамга Ү — древнетюркский знак (Э. Триярский). Э. Соломоник приводит идентичную указанной сложную тамгу Ү, обнаруженную в Северном Причерноморье. Он считает её «сарматским» знаком.

(25) См. комментарий к рубрике (19).

(26) Тамги А□□ обнаружены в Гезлеве. Тамгу ᠋ Э. Триярский зафиксировал в Северной Монголии и квалифицировал как древнетюркскую.

(27) См. комментарии к рубрикам (5), (19), (25), (26).

(28) См. комментарий к рубрике (14).

(29) × — крымская тамга из Гезлева. Тамга < использовалась у ногайских и казахских племён (В. И. Филоненко). ʒ — это древнетюркская тамга-знак (Э. Триярский).

(30) ʒ ʒ — это тамги мадьярских племён [7; 8].

(31) ᠋᠋ — эти тамги имеют широкое распространение по всей Великой степи: Асанчи, на территории младшего жуза (Байулы (Берш)), Северной Монголии (Э. Триярский, Х. Перле). В Северном Причерноморье они найдены на предметах и оружии (наконечниках копий). Э. Соломоник относит их к «сарматским» знакам.

(32) ᠋᠋᠋ — эти сложные тамги древнетюркские (Э. Триярский), а Х. Перле считает их монгольскими.

Мы считаем, что предположения Э. Соломоника в подавляющих случаях являются ошибочными, так как тамги, которые он относит к «сарматским», обладали большой частотой использования среди тюркоязычных народов ещё в древнейшую эпоху. Точка зрения Х. Перле о монгольских тамгах противоречит компетентным мнениям историков, поскольку монголы как этническая целостность появились на исторической арене намного позже, чем древнейшие тюркоязычные этносы и сяньбийские племена. Эти древние племена имели за плечами великую тысячелетнюю традицию, о чём свидетельствуют их ранние петроглифы.

Итак, эволюцию рунического письма можно представить схематически таким образом: 1) (петроглиф) пиктограмма → 2) логограмма → 3) тамга («принадлежность») → 4) знак алфавита (руна). Мы наблюдаем четыре перехода, хотя первые два взаимосвязаны друг с другом. Именно в четвёртом переходе произошла аннигиляция семы «принадлежность», так как в знаке появилась совершенно новая фонологическая сема, появившаяся в результате семантического сдвига.

Мы считаем, что дальнейшую перспективу исследования необходимо направить на обнаружение и исследование наскальных пиктографических изображений с целью определить, какие же конкретные пиктограммы (петроглифы) стали основой для появления тамги [50]. Кроме того, необходимо определить *conceptum* у первознака, то есть осуществить анализ пиктограмм, ставших основой для рунического алфавита. Например, у знака Ү, обозначающего «шылбыр», имеется *conceptum* (первосмысл): «удерживать, вести кого-либо и управлять кем-либо». У этого знака, выступающего уже в качестве тамги, появляется только одно терминологическое значение «принадлежность», закрепляемое за определённым племенем. В дальнейшей эволюции языка эта лексема, сочетаясь с другими лексемами, подверглась семантическому сдвигу. Здесь мы имеем дело с *conceptus*-ом (текучестью семантического субстрата): денотативное значение — «длинный повод для привязывания коня»; коннотативные значения — «наделить властью, полномочиями» (*шылбыр беру*), «протянуть руки помощи» (*шылбыр ушын беру*), «урезонить, остановить кого-либо» (*шылбырына жармасу*), «прислуживать, угождать», буквально означает «путаться в поводьях коня» (*шылбырына оралу*).

Такое направление в исследовании тамги-знаков позволяет проследить эволюцию языка в диахроническом аспекте, что является подлинным исследованием природы древнетюркского

языка. Известно, что в этой области рунологии нередко имеет место ненаучная интерполяция. Изучение древнетюркской графики и фонологии без учёта современных достижений в области языкознания может привести исследователей к ложным выводам. Мы попытались представить в статье методологию и методику исследования, использование которых может помочь учёному избежать ошибок в изучении древнетюркской графики и фонологии.

Литература

1. Аврутина А. Фонологическая система языка древнетюркских рунических памятников / А. Аврутина // Российская тюркология. — М., 2004. — № 1 (9). — С. 84—97.
2. Аманжолов А. С. К генезису тюркских рун / А. С. Аманжолов // Вопросы языкознания. — М., 1978. — № 2. — С. 80—81.
3. Аманжолов С. А. Вопросы диалектологии и истории казахского языка / С. А. Аманжолов. — Алма-Ата, 1959. — Ч. 1. — 380 с.
4. Акчокраклы О. Кыргызда татар тамгалары / Осман Акчокраклы. — Бақчасарай, 1926 ; Акчокраклы О. Татарские тамги в Крыму / Осман Акчокраклы. — Симферополь, 1927. — 16 с.
5. Аристов Н. Я. Заметки об этническом составе тюркских племён и народностей и сведения об их численности / Н. Я. Аристов // Живая старина. — Вып. 3—4. — С. 277—456.
6. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — М. : Советская энциклопедия, 1969. — 608 с.
7. Баски И. Тамги и этнические названия (вклад тамга-знаков в этногенез татар) / Имре Баски // Татарская археология. — 1997. — № 1. — С. 129—155.
8. Baski I. Tamgas and Names (A Contribution to the Tatar Ethnogenesis) / Imre Baski // Originea Tatarilor. — Bucuresti : Editura Kriterion, 1997. — P. 64—92.
9. Востров В. В. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX — начало XX в.в.) / В. В. Востров, М. С. Муқанов. — Алма-Ата : Наука Каз. ССР, 1968. — 256 с.
10. Гертман А. Н. Знаки на кирпичах и некоторые вопросы организации древневосточного строительства (по материалам древнего Хорезма) / А. Н. Гертман // Приаралье в древности и средневековье. — М., 1998. — С. 136—150.
11. Готье Р. (Gauthiot R.) Essai de grammaire Sogdienne / R. Gauthiot. — Paris, 1914—1923. — Première partie: Phonétique.
12. Гузев В. Г. Проблемы происхождения древнетюркской руники в свете общей теории письма (к столетию дешифровки) / В. Г. Гузев, С. Г. Кляшторный // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. — 1993. — Сер. 2. Вып. 4 (23). — С. 57—62.
13. Дьяконов И. М. Письмо / И. М. Дьяконов // Лингвистический энциклопедический словарь. — М. : Сов. энциклопедия, 1990. — С. 378.
14. Donner O. Sur l'Origine de l'Alphabet Turc du Nord de l'Asie / O. Donner // Journal de la Société Finno-Ougrienne. — Helsingfors, 1896. — Vol. XIV, 1. — P. 5—44.
15. Драчук В. С. Системы знаков Северного Причерноморья : монография / В. С. Драчук. — К. : Наук. думка, 1975. — 224 с.
16. Драчук В. С. Дорогами тысячелетий / В. С. Драчук. — М. : Молодая гвардия, 1977. — 256 с.
17. Mahmut E. Nogaii dobrogenimi dialectallor / Enver Mahmut // Analele Univ. Bucuresti. — Ser. Stiint. Soc. Fil. — 1964. — XIII. — P. 319—336.
18. Каиржанов А. К. Млечный путь Евразии / А. К. Каиржанов. — Астана : ЕНУ им. Л. Н. Гумилёва, 2004. — С. 85—137.
19. Каиржанов А. К. Тысячелетие вокруг Чёрного моря / А. К. Каиржанов // Вестник ф-та междунар. отн. Евразийского национального ун-та имени Л. Н. Гумилёва. — 2013. — № 4.
20. Клоссон Г. Происхождение тюркского рунического алфавита / Г. Клоссон // Зарубежная тюркология. — М., 1986. — С. 136—157.
21. Кондратов А. М. Пиктография / А. М. Кондратов // Лингвистический энциклопедический словарь. — М. : Сов. энцикл., 1990. — С. 374.
22. Кудяев М. Ч. Карачаево-Балкарская этнохореография и символика / Мухтар Чукаевич Кудяев. — Нальчик : Эльбрус, 2003. — 103 с.
23. Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа / В. Г. Кузеев. — М. : Наука, 1974. — 576 с.
24. Кёппен П. И. Крымский сборник. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических / П. И. Кёппен. — СПб., 1837. — 412 с.
25. Le Coq von A. Koptürkisches aus Turfan. Manuskript-Fragmente in koptürkischen «Runen» aus Toyoq und Idiqt-Schahri (Oase von Turfan) / Albert von Le Coq // Sitzungsberichte Der Königlich Preussischen Akademie Der Wissenschaften Zu Berlin [SPAW]. — 1909. — XI.
26. Лившиц В. А. О происхождении древнетюркской рунической письменности / В. А. Лившиц // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. — Алма-Ата, 1980. — С. 3—13.
27. Magyar Nepszólész Lexikon / szerkesztő Gyula Ortutay [Венгерская этнографическая энциклопедия]. — Budapest, 1977. — № 1; 1979. — № 2; 1982. — № 5.
28. Махмутов А. Как возник древнетюркский алфавит / А. Махмутов // Исследования по тюркологии. — Алма-Ата, 1969. — С. 31—37.
29. Мелиоранский П. М. Памятник в честь Кюль-тегина / П. М. Мелиоранский // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. — СПб., 1899. — Т. XII. Вып. 2—3.
30. Müller F. W. K. Ein iranisches Sprachdenkmal aus der nordlichen mongolei / F. W. K. Müller // Sitzungsberichte Der Königlich Preussischen Akademie Der Wissenschaften Zu Berlin [SPAW], 1909. — XXVII. — S. 726—730.

31. *Небольсин П. И.* Очерки Волжского Низовья / П. И. Небольсин // Журнал Министерства внутренних дел. — СПб., 1852. — Ч. 38. — № 4—6. — С. 35—66, 205—245, 352—391; Ч. 39. — № 7—9. — С. 42—71, 220—243, 361—386.
32. *Окладников А. П.* Петроглифы Центральной Азии / А. П. Окладников. — Л. : Наука, 1980. — 271 с.
33. *Ольховский В. С.* Тамга (к функции знака) / В. С. Ольховский // Историко-археологический альманах. — Армавир ; М., 2001. — № 7. — С. 85—86.
34. *Перле Х.* Исследование этногенеза монгольских племён путём изучения их клановых обозначений (на монг. языке). — Уланбатор, 1975.
35. *Поливанов Е. Д.* Идеографический мотив в формации орхонского алфавита / Е. Д. Поливанов // Бюллетень Среднеазиатского государственного университета. — Ташкент, 1925. — № 9. — С. 177—181.
36. *Pritsak O.* Turkology and the comparative study of the Altaic languages. The system of the Old Runic Script / O. Pritsak // Journal of Turkish Studies. — Harvard University, 1980. — Vol. 4. — P. 83—100.
37. *Rintchen Bi* [Ринчен Бимбаев]. Les signes de propriété chez les Mongols / Rintchen Bi // Archiv Orientalni. — 1954. — XXII. — P. 467—473.
38. *Соколов Н.* О башкирских тамгах / Н. Соколов // Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. — Оренбург, 1904. — Т. XIII. — С. 83—92.
39. *Соломоник Э. И.* Сарматские знаки Северного Причерноморья / Э. И. Соломоник. — К. : Изд-во АН УССР, 1959. — 190 с.
40. *Thomsen V.* Inscriptions de l'Orkhon / Vilhelm Thomsen // Memoires de la Société Finno-Ougrienne. — Helsingfors, 1896. — V. — P. 5—54.
41. *Триярский Э.* [E. Tryjarski] Тамги тюркских племён из Болгарии / Э. Триярский // UAJG. — 1975. — 47. — С. 189—200.
42. *Филоненко В. И.* Тамги татарских кладбищ г. Евпатория / В. И. Филоненко. — Симферополь, 1928. — 22 с.
43. *Hansen O.* Zur soghdischen inschrift auf dem dreisprachigen Denkmal von Karabalgasum / Olaf Hansen // Journal de la Société Finno-Ougrienne. — 1930. — Vol. 44 / 3. — P. 3—39.
44. *Щербак А. М.* Тюркская руника: происхождение древнейшей письменности тюрков, границы её распространения и особенности использования / А. М. Щербак ; Ин-т лингв. иссл. РАН. — СПб. : Наука, 2001. — 152 с.
45. *Emre A. C.* Sur l'origine de l'alphabet vieux-turc (dit alphabet runique de Sibérie) / Ahmet Cevat Emre. — Istanbul : Imprimerie A. Ihsan, 1938. — 24 p.
46. *Ядринцев Н. М.* Отчёт экспедиции на Орхон, совершённой в 1889 году / Н. М. Ядринцев // Сборник трудов Орхонской экспедиции. — СПб., 1892. — Вып. 1. — С. 79—81.
47. *Яценко С. А.* Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья / С. А. Яценко. — М. : Восточная лит. РАН, 2001. — 189 с.
48. *Бутанаев В. Я.* Бурханизм тюрков Саяно-Алтая / В. Я. Бутанаев. — Абакан : Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2003. — 260 с.
49. *Су Бей Хай.* Синьзянь яньхуа (Петроглифы Синьзяня) / Су Бей Хай. — Урумчи, 1994 [На китайском языке].
50. *Самашев Э. С.* Шаманские сюжеты петроглифов Казахстана (к изучению мировоззрения древнего населения) / Э. С. Самашев // Вопросы археологии Казахстана. — Алматы ; М., 1998. — Т. 2. — С. 197—208; *Самашев Э.* Древнетюркские тамги / Э. Самашев, Н. Базылхан, С. Самашев. — Алматы : АО «АБДИ Компани», 2010. — 168 с.; *Рогожинский А. Е.* Удостоверительные знаки-тамги кочевников нового времени и средневековья в горных ландшафтах Семиречья, Южного и Восточного Казахстана // Наскальное искусство в современном обществе / А. Е. Рогожинский. — Кемерово, 2011. — Т. 2. — С. 217—225.

References

1. *Avrutina A.* Fonologičeskaja sistema jazyka drevnetiurkskih runičeskikh pamiatnikov / A. Avrutina // Rossijskaja tiurkologija. — М., 2004. — № 1 (9). — S. 84—97.
2. *Amanzholov A. S.* K genezisu tiurkskih run / A. S. Amanzholov // Voprosy jazykoznanija. — М., 1978. — № 2. — S. 80—81.
3. *Amanzholov S. A.* Voprosy dialektologii i istorii kazahskogo jazyka / S. A. Amanzholov. — Alma-Ata, 1959. — Ch. 1. — 380 s.
4. *Akchokrakly O.* Kyrymda tatar tamgalary / Osman Akchokrakly. — Bakhasaraj, 1926; *Akchokrakly O.* Tatarskie tamgi v Krymu / Osman Akchokrakly. — Simferopol', 1927. — 16 s.
5. *Aristov N. Ja.* Zametki ob etničeskom sostave tiurkskih plemion i narodnostej i svedenija ob ih čislennosti / N. Ja. Aristov // Zhivaja starina. — 1896. — Vyp. 3—4. — S. 277—456.
6. *Ahmanova O. S.* Slovar' lingvističeskikh terminov / O. S. Ahmanova. — М.: Sovetskaja enciklopedija, 1969. — 608 s.
7. *Baski I.* Tamgi i etničeskie nazvanija (vklad tamga-znakov v etnogenez tatar) / Imre Baski // Tatarskaja arheologija. — 1997. — № 1. — S. 129—155.
8. *Baski I.* Tamgas and Names (A Contribution to the Tatar Ethnogenesis) / Imre Baski // Originea Tatarilor. — Bucuresti : Editura Kriterion, 1997. — P. 64—92.
9. *Vostrov V. V.* Rodoplemennoj sostav i rasselenie kazahov (konec XIX — nachalo XX v.v.) / V. V. Vostrov, M. S. Mukanov. — Alma-Ata : Nauka Kaz. SSR, 1968. — 256 s.
10. *Gertman A. N.* Znaki na kirpichah i nekotorye voprosy organizacii drevnevostochnogo stroitel'stva (po materialam drevnego Horezma) / A. N. Gertman // Priaral'je v drevnosti i srednevekov'je. — М., 1998. — S. 136—150.
11. *Gauthiot R.* Essai de grammaire Sogdienne / R. Gauthiot. — Paris, 1914—1923. — Première partie: Phonétique.
12. *Guzev V. G.* Problemy proishozhdenija drevnetiurkskoj runiki v svete obshhej teorii pis'ma (k stoletiju deshifrovki) / V. G. Guzev, S. G. Kliashturnyj // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. — 1993. — Ser. 2. Vyp. 4 (23). — S. 57—62.

13. *D'jakonov I. M.* Pis'mo / I. M. D'jakonov // *Lingvisticheskiy enciklopedicheskiy slovar'*. — M. : Sov. enciklopedija, 1990. — S. 378.
14. *Donner O.* Sur l'Origine de l'Alphabet Turc du Nord de l'Asie / O. Donner // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. — Helsingfors, 1896. — Vol. XIV, 1. — P. 5—44.
15. *Drachuk V. S.* Sistemy znakov Severnogo Prichernomor'ja : monografija / V. S. Drachuk. — K. : Nauk. dumka, 1975. — 224 s.
16. *Drachuk V. S.* Dorogami tysiacheletij / V. S. Drachuk. — M. : Molodaja gvardija, 1977. — 256 s.
17. *Mahmut E.* Nogaii dobrogenimi dialectallor / Enver Mahmut // *Analele Univ. Bucuresti*. — Ser. Stiint. Soc. Fil. — 1964. — XIII. — P. 319—336.
18. *Kairzhanov A. K.* Mlechnyj put' Evrazii / A. K. Kairzhanov. — Astana : ENU im. L. N. Gumiliova, 2004. — S. 85—137.
19. *Kairzhanov A. K.* Tysiacheletie vokrug Chiornogo moria / A. K. Kairzhanov // *Vestnik f-ta mezh-dunar. otn. Evrazijskogo nacional'nogo un-ta imeni L. N. Gumiliova*. — 2013. — № 4.
20. *Klosson G.* Proishozhdenie tiurkskogo runicheskogo alfavita / G. Klosson // *Zarubezhnaja tiurkologija*. — M., 1986. — S. 136—157.
21. *Kondratov A. M.* Piktografija / A. M. Kondratov // *Lingvisticheskiy enciklopedicheskiy slovar'*. — M. : Sov. encikl, 1990. — S. 374.
22. *Kudaev M. Ch.* Karachaev-Balkarskaja etnohoreografija i simvolika / Muhtar Chukaevich Kudaev. — Nal'chik : El'brus, 2003. — 103 s.
23. *Kuzeev R. G.* Proishozhdenie bashkirskogo naroda / V. G. Kuzeev. — M. : Nauka, 1974. — 576 s.
24. *Kioppen P. I.* Krymskiy sbornik. O drevnostjah Juzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh / P. I. Kioppen. — SPb., 1837. — 412 s.
25. *Le Coq von A.* Koptürkisches aus Turfan. Manuskript-Fragmente in koptürkischen «Runen» aus Toyoq und Idikut-Schahri (Oase von Turfan) / Albert von Le Coq // *Sitzungsberichte Der Königlich Preussischen Akademie Der Wissenschaften Zu Berlin [SPAW]*. — 1909. — XI.
26. *Livshic V. A.* O proishozhdenii drevnetiurkskoj runicheskoi pis'mennosti / V. A. Livshic // *Arheologicheskie issledovanija drevnego i srednevekovogo Kazakhstana*. — Alma-Ata, 1980. — S. 3—13.
27. *Magyar Néprajzi Lexikon / szerkesztő Gyula Ortutay*. — Budapest, 1977. — № 1; 1979. — № 2; 1982. — № 5.
28. *Mahmutov A.* Kak voznik drevnetiurkskiy alfavit / A. Mahmutov // *Issledovanija po tiurkologii*. — Alma-Ata, 1969. — S. 31—37.
29. *Melioranskiy P. M.* Pamiatnik v chest' Kiul'-tegina / P. M. Melioranskiy // *Zapiski Vostochnogo otdelenija Russkogo arheologicheskogo obshhestva*. — SPb., 1899. — T. XII. Vyp. 2—3.
30. *Müller F. W. K.* Ein iranisches Sprachdenkmal aus der nordlichen mongolei / F. W. K. Müller // *Sitzungsberichte Der Königlich Preussischen Akademie Der Wissenschaften Zu Berlin [SPAW]*, 1909. — XXVII. — S. 726—730.
31. *Nebol'sin P. I.* Ocherki Volzhskogo Nizov'ja / P. I. Nebol'sin // *Zhurnal Ministerstva vnutrennih del*. — SPb., 1852. — Ch. 38. — № 4—6. — S. 35—66, 205—245, 352—391; Ch. 39. — № 7—9. — S. 42—71, 220—243, 361—386.
32. *Okladnikov A. P.* Petroglify Central'noj Azii / A. P. Okladnikov. — L. : Nauka, 1980. — 271 s.
33. *Ol'hovskij V. S.* Tamga (k funkcii znaka) / V. S. Ol'hovskij // *Istoriko-arheologicheskij al'manah*. — Armavir; M., 2001. — № 7. — S. 85—86.
34. *Perle H.* Issledovanie etnogeneza mongol'skikh plemion putiom izuchenija ih klanovyh oboznachenij. — Ulanbator, 1975. [Na mong. jazyke].
35. *Polivanov E. D.* Ideograficheskij motiv v formacii orkhonskogo alfavita / E. D. Polivanov // *Biulleten' Sredneaziatskogo gosudarstvennogo universiteta*. — Tashkent, 1925. — № 9. — S. 177—181.
36. *Pritsak O.* Turkology and the comparative study of the Altaic languages. The system of the Old Runic Script / O. Pritsak // *Journal of Turkish Studies*. — Harvard University, 1980. — Vol. 4. — P. 83—100.
37. *Rintchen Bi [Rinchen Bimbaev]*. Les signes de propriété chez les Mongols / Rintchen Bi // *Archiv Orientalni*. — 1954. — XXII. — P. 467—473.
38. *Sokolov N. O* bashkirskih tamgah / N. Sokolov // *Trudy Orenburgskoj uchionoj arhivnoj komissii*. — Orenburg, 1904. — T. XIII. — S. 83—92.
39. *Solomonik E. I.* Sarmatskie znaki Severnogo Prichernomor'ja / E. I. Solomonik. — K. : Izd-vo AN USSR, 1959. — 190 s.
40. *Thomsen V.* Inscriptions de l'Orkhon / Vilhelm Thomsen // *Memoires de la Société Finno-Ougrienne*. — Helsingfors, 1896. — V. — P. 5—54.
41. *Tryjarski E.* Tamgi tiurkskikh plemion iz Bolgarii / E. Tryjarski // *UAJG*. — 1975. — 47. — S. 189—200.
42. *Filonenko V. I.* Tamgi tatarskikh kladbishh g. Evpatorija / V. I. Filonenko. — Simferopol', 1928. — 22 s.
43. *Hansen O.* Zur soghdischen inschrift auf dem dreisprachigen Denkmal von Karabalgasum / Olaf Hansen // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. — 1930. — Vol. 44 / 3. — P. 3—39.
44. *Shherbak A. M.* Tjurkskaja runika: proishozhdenie drevnejšej pis'mennosti tiurok, granicy ejo rasprostraneniya i osobennosti ispol'zovanija / A. M. Shherbak; In-t lingv. issl. RAN. — SPb. : Nauka, 2001. — 152 s.
45. *Emre A. C.* Sur l'origine de l'alphabet vieux-turs (dit alphabet runique de Sibérie) / Ahmet Cevat Emre. — Istanbul : Imprimerie A. Ihsan, 1938. — 24 p.
46. *Jadrincev N. M.* Otechjot ekspedicii na Orhon, sovershionnoj v 1889 godu / N. M. Jadrincev // *Sbornik trudov Orhonskoj ekspedicii*. — SPb., 1892. — Vyp. 1. — S. 79—81.
47. *Jacenko S. A.* Znaki-tamgi iranojazychnyh narodov drevnosti i rannego srednevekov'ja / S. A. Jacenko. — M. : Vostochnaja lit. RAN, 2001. — 189 s.
48. *Butanaev V. Ja.* Burhanizm tiurkov Sajano-Altaja / V. Ja. Butanaev. — Abakan : Izd. Hakasskogo gos. univ. im. N. F. Katanova, 2003. — 260 s.

49. Su Bej Haj. Sin'czian' jan'hua (Petroglify Sin'cziana) / Su Bej Haj. — Urumchi, 1994 [Na kitajskom jazyke].

50. *Samashev Z. S. Shamanskije siuzhety petroglifov Kazachstana (k izucheniju mirovozzrenija drevnego naselenija) / Z. S. Samashev // Voprosy arheologii Kazachstana. — Almaty — M., 1998. — T. 2. — S. 197—208; Samashev Z. Drevnetiurkskie tamgi / Z. Samashev, N. Bazylkhan, S. Samashev. — Almaty : AO «ABDI Kompani», 2010. — 168 s.; Rogozhinskij A. E. Udostoveritel'nye znaki-tamgi kočevnikov novogo vremeni i srednevekov'ja v gornyh landshaftah Semirech'ja, Juzhnogo i Vostochnogo Kazachstana // Naskal'noe iskusstvo v sovremennom obshhestve / A. E. Rogozhinskij. — Kemerovo, 2011. — T. 2. — S. 217—225.*

КАІРЖАНОВ Абай Каіржанович,

доктор філологічних наук, професор Євразійського національного університету імені Л. М. Гумільова; Астана, Казахстан;

e-mail: kairzhanov@list.ru; адреса: м. Астана, вул. Мустафіна, 21/5, кв. 31

ГЕНЕЗИС ТЮРКСЬКОГО РУНІЧНОГО ПИСЬМА (на матеріалі тамги-знаків євразійських кочівників)

Анотація. У статті досліджується проблема походження прадавнього тюркського рунічного алфавіту. Автор піддає конструктивній критиці дві гіпотези походження рун: 1) фінікійсько-арамейську гіпотезу; 2) согдійську теорію утворення тюркських рун. У цій роботі обґрунтовується тамгова (піктографічна) теорія формування прадавнього тюркського рунічного алфавіту, створеного на основі тамги і тамгоподібних знаків, що належать тюркським тейпам, які мешкали у Великому степу на рубежі двох ер. Таке обґрунтування тамгової теорії стало можливим завдяки археологічним розвідкам на території кочівників Великого степу. Дослідження простих (базових) і складних тамги-знаків і тамгоподібних знаків свідчить про створення рунічного письма ще на рубежі двох ер. У цій статті вивіряються тамги-знаки з максимальною повнотою, зібрані багатьма вченими протягом двох століть майже на всій території Євразії: від великого закруту Яшіль-угюз (Велика Жовта ріка) на Сході і до земель Центральної Європи. Визначено чотири етапи еволюції рунічного письма та намічено перспективи дослідження проблеми в діахронічному аспекті, що дозволить уникнути квазінаукових узагальнень і висновків.

Ключові слова: тамга, тамгоподібний знаки, руни, акультурація, піктограма (ідеограма), іконічний образ, первосмисл, перевознак, семантичний зсув.

Abai K. KAIRZHANOV,

Grand PhD in Philological Sciences, Full Professor of Eurasian L. N. Gumilev National University; Astana, Kazakhstan;

e-mail: kairzhanov@list.ru; adress: Astana, Mustafina str., 21/5, apt. 31

ORIGIN OF THE TURKIC RUNIC WRITING (on the material of the tamga-marks)

Summary. In this article the problem of origin of Old Turkic runic alphabet is studied. The author subjects to criticism two hypotheses of runes: 1) Phoenicia-Aramaic hypothesis; 2) Sogdian theory of Turkic runes' origin. In this work the tamga (pictographic) theory is proved about the formation of the Old Turkic runic alphabet that was created on the base of tamga and tamga signs belonged to Turkic teips who inhabited in the Great Steppe at the boundary of two eras. Such a justification of tamga theory becomes possible due to archeological research on the territory of nomads in the Great Steppe. Results of simple (basic) and complex tamga-signs and tamga-character signs testify about formation of runic writing on the boundary of two centuries. In this article tamga signs come up with with maximum completeness; many scientists collected information during two centuries on all over Eurasia, beginning from the Great Yellow River on East till the centurial earth in Europe. The author determines four transitions in evolution of runic writing; future research in diachronically aspects is planned and it will have an opportunity to be free from nonscientific conclusions.

Key words: tamga, tamga signs, runes, acculturation, pictogram (ideogram), icon, «grain of origin», first sign, semantic shift.

Статтю отримано 30.05.2014 р.